

СРЕДНИЕ

НАЧАЛА

Крафтовый литературный журнал «Рассказы»

Татьяна Леванова

Журнал «Рассказы».
Светлые начала

«Крафтовая литература»

2023

УДК 821.161.1-344
ББК 84(2=411.2)64-445.1

Леванова Т. С.

Журнал «Рассказы». Светлые начала / Т. С. Леванова —
«Крафтовая литература», 2023 — (Крафтовый литературный
журнал «Рассказы»)

ISBN 978-5-6046114-0-1

Они живы. И всё, что у них есть – размытые границы реальности и непонимание, что ждёт за очередным поворотом судьбы. Пока уверенность в собственной праведности приводит к катастрофе людей и богов, те, кто изучает пределы зримого мира, становятся на шаг ближе к магической природе вещей. Ангелы и озарители. Исследователи неопределенности и случайные свидетели волшебства. Пять историй про жизнь и свет в двадцать седьмом выпуске Журнала Рассказы: Светлые начала.

УДК 821.161.1-344
ББК 84(2=411.2)64-445.1

ISBN 978-5-6046114-0-1

© Леванова Т. С., 2023
© Крафтовая литература, 2023

Содержание

Сергей Пономарев и Анна Бурденко	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Светлые начала

А тело душу все не отпускает —
Все держит...
Все цепляется за крылья.
Репейная натура, знать, мирская —
В отличие от серебряно-пыльной...
От полой (словно флейты костяные) —
Для легкости полета и звучанья
Высокого и чистого — «на срыве»...
От хрупкой, эфемерной, изначальной.
И в этом нет ни драмы, ни конфликта,
Ни парадокса нет, ни диссонанса.
Приучена зачитанная книга
Случайно на разломах открываться
И выдавать заветные желанья...
И предвещать намечтанные страсти...

Я бы тебя еще сильнее держала,
Но...
Ни один из нас бы
Не был
Счастлив.

— *Мария Бровкина-Косякова*

Сергей Пономарев и Анна Бурденко

Озаритель

В Ладноречье в девятьсот шестом году произошло событие, которое удивило даже записных скептиков: сын из богатой фамилии Исбытковых, талантливый Озаритель, широкоплечий и златокудрый, лучший ученик самого космофизика Воспенникова, главная фигура на любом балу, которому все предсказывали брак чуть ли не с губернаторской дочкой и самые скорые карьерные повышения, за неделю до Темнейшей Ночи написал прощальное письмо и покинул свое родовое имение.

Того самого сына Исбытковых звали Степан Федорович. Его решение наделало столько шума в свете, что, ежели бы он остался в Ладноречье, у него бы от слухов случилась истерика, какая случалась, когда батюшка его, Федор Степанович, рассказывал поручиковские анекдоты, подслушанные в дальних гарнизонах.

Каких только предположений о пропаже Исбыткова не выдвигали сплетники, клеветники и прочие звонари: говорили, что Степан бежал с дочкой самого Государя, причем бежал почему-то на Филиппины и принял там отчего-то именно мусульманскую веру; судачили о том, что младший сын знатной семьи уехал, точно отец Сергей, в монастырь с намерением поступить в него монахом; кто-то даже всерьез пускал слух о том, что ученик самого Воспенникова отправился в Испанию и намерен использовать силу озарения для создания новой непобедимой армады, способной не только продвинуться вглубь морей, чтобы обнаружить до сих пор неосвоенные континенты, но еще и устрашать соперников.

Ни в одном из этих предположений не было ни капли правды.

На самом же деле то, что внешне казалось невероятным, так сильно взбудоражив свет, было для самого Степана Федоровича решением простым, ни капли не волевым, органично вытекающим из внутренних переживаний его.

За десять-двенадцать дней до долгожданной ночи в мастерскую Исбыткова пожаловали не кто-нибудь, а ищейки из сыска.

Их было двое.

Первый напоминал макаку с очками. Он прохаживался вдоль полок мастерской, вертел в руках детекторы напряжения, стучал пальцем по стеклу амперметра, зачем-то покрутил между пальцев, как нож-бабочку, индикаторную отвертку.

Второй показался Степану Федоровичу похожим на крысу.

Озаритель смотрел на сыскных так, как смотрят на нашкодивших детишек – без злобы или какого-то сочувствия, а скорее с любопытством: чего еще натворят ребятки с незнакомыми взрослыми игрушками? У Исбыткова не было страха перед сыском, не положено Озарителю чего-то бояться – разве что несчастливой любви.

Перед внутренним взором мелькнуло лицо Белопольской с упрямым лбом, умными глазами и мягкой линией рта.

– Столичные недовольны, – прохрипел крысopodobный, проводя пальцем по чистенькой полочке с измерительными приборами. – Недовольны всерьез и наповал, Степан Федорович, что вы планируете пропустить Ночь.

– Быть недовольными – их право. Я не буду их судить за это.

Обезьяноподобный сыскар чуть не выронил из рук амперметр. Он шумно выдохнул, поражаясь заносчивости физика, но промолчал.

– А не боитесь ли вы, Степан Федорович, что ваши слова не понравятся ни губернатору, ни самому Государю? – улыбнулся, сверкнув острыми маленькими зубками, крысopodobный.

– Озарителей обычно быстро прощают, потому что негоже резать курицу, несущую золотые яйца. Так что вы за меня не переживайте.

Сыскарь откашлялся. Он ожидал гонора и всяческого сопротивления, но не ждал наглости. Кулаки его сжались. Он выпрямил спину и больше не выглядел безобидно.

– Губернатору важно, чтобы вы оказались подле него во время Ночи. Народ возлагает на вас надежды.

Исбытков понимал, что сейчас решается многое в его судьбе. Он мог дать согласие и пойти по проторенной дорожке – нужно просто быть под рукой. Только мог ли он согласиться быть слугой того, кто походя разрушил фундамент будущего?

– Отказано.

Оба сыскаря встали плечом к плечу. Всмотрелись в Исбыткова. Он почувствовал в этих взглядах как будто сожаление.

Степан Федорович держался до последнего достойно, но от этих сочувствующих взглядов у него вдруг участилось сердцебиение. Волна гнева всколыхнула грудь, обожгла ледяным.

– Возможно, на празднование Темнейшей Ночи в столицу прибудет Государь, – обезьяноподобный сыскарь озвучил последний аргумент. – Отказ невозможен. Губернатор велел вернуться без отказов. Любыми методами.

– Попробуете схватить меня в моей же мастерской? Среди оборудования, металла и накопителей, из которых я в любой момент могу достать пару молний? Удачи. Озарители, если вы не в курсе, в гнев способны на многое.

Степан Федорович коснулся стоящей на столе Лейденской банки. Бело-синий разряд зазмеился по пальцу, а потом обвил запястье потрескивающим браслетом.

Крысоподобный примиряюще поднял вверх руки. Начал отходить к двери, увлекая за собой напарника.

Напоследок он сказал голосом не официальным, а скорее дружески настроенным, почти эмпатически:

– Поверь, тебе придется согласиться. Это вопрос степени давления. Ты их не знаешь, что ли?

– Я их знаю, – остыл Степан Федорович, прощая переход на ты. – Только они будут бояться пользоваться электричеством в своих домах, если пойдут против меня.

Сыскари ушли, аккуратно прикрыв за собой дверь. Тем же вечером Исбытков начал сборы.

Степан Федорович не бежал. Он уходил по собственной воле.

У Воспенникова, своего наставника, Степан научился многому. В том числе и тому, что импровизация тоже может быть частью плана. Степан Федорович, в совершенстве играющий на фортепьяно, с легкостью отпускал пальцы в свободное плавание по клавишам из слоновой кости, пока могучий разум парил в эмпиреях.

Исбытков сделал то, чего от него никак не могли ожидать ни сыскари, ни сам губернатор, – он явился на празднование Темнейшей Ночи, чтобы посмотреть, кого из Озарителей пригласят вместо него. Решение было продиктовано не только любопытством, но и неременной профессиональной ревностью.

Маскировка его была нехитрой – монашеская ряса да накладная борода. Люди расступались перед ним, хотя и не так поспешно, будь он был в сюртуке с молнией Озарителя.

Иллюминация, как и полагается в Темнейшую Ночь, была слабой. Запасов электроэнергии оставалось только на то, чтобы на главной столичной площади горел один единственный электрический фонарь. Чтобы не оставлять собравшихся людей вообще без света, площадь дополнительно подсвечивалась газовыми фонарями.

Исбытков привычно поморщился при виде синеватого света. Газовое освещение – это прошлое, электричество – это настоящее и будущее.

Главный Городской Накопитель стоял тут же, на площади. На трибуне, возвышающейся над столпившимися горожанами, восседал губернатор, а слева от него сидела его дочь – весьма милая, но пустоватая девушка. Воспенников о таких говорил так: «Примат формы над содержанием».

Губернатор нервничал. Это было видно по тому, как натянуто он улыбался толпе, как тербил он тугой воротничок, обхватывающий жирную шею.

– До чего же красив! – восхищенно выдохнула стоявшая рядом девица. – Чисто херувим!

Исбытков, не удержавшись, хмыкнул.

Девица покраснела и принялась терзать платочек, вытянутый из кармана.

– Простите, батюшка, – сказала она, опустив очи долу, – надеюсь, это не богохульство. Просто эти щечки, этот чистый взгляд...

Впрочем, страх за свою бессмертную душу быстро ее покинул, потому что на трибуне появилось новое лицо.

Девица снова выдохнула и поднесла к увлажнившимся глазам измятый платок.

– Озарительница Велена!

Хороший выбор, подумал Исбытков. Велена стала первой ученицей Воспенникова, когда тот был совсем молод. Судачили о том, что их отношения выходили далеко за рамки учительско-ученических отношений, а уж тем более за рамки христианской морали, но первым Озарителям было плевать, что о них говорят и в каких выражениях.

Велена была в том возрасте, когда о ней сложно что-то сказать. Лицо ее, как и у всех Озарителей, казалось гладким и безмятежным – по контрасту с тем, что происходило у них внутри.

Велена не рисовалась, как более молодые Озарители. Она не поднимала руки к небу, не шептала что-то сухими губами. Да, ее работа из-за этого не выглядела сокровенным таинством, но все окупал результат.

Она сняла с левой руки перчатку и почти рассеянно потерла указательный палец о большой. Этот жест не имел ничего общего с вульгарным обозначением денег, возникшим у торгового сословия. Возможно, Исбытков был единственным человеком на площади, который знал, что она делает – проверяет сухость воздуха. Хороший Озаритель должен многое учесть.

Велена кивнула. Тучный губернатор не без труда, с помощью адъютанта, выбрался из глубокого кресла и встал на краю помоста.

– Тридцать лет назад, – начал он тонким скрипучим голосом, – Государь дал аудиенцию молодому ученому, который пришел к нему с идеей, смелость которой не всякий мог бы оценить. Благодаря открытости Государя для всего нового, а также благодаря заботе о своем народе у нас появилось электричество. Появились верные отчизне Озарители.

Велена стояла с невозмутимым лицом, но Исбытков знал, о чем она сейчас думает.

Воспенников добивался аудиенции больше пяти лет, чтобы его открытие получило ход. Мог бы добиваться и дольше, но, когда терпение Озарителя подходит к концу, все двери открываются – даже самые главные.

Исбытков тонко улыбнулся, самым краешком губ. В этот самый момент Велена улыбнулась точно так же. На короткий момент глаза их встретились. Велена в простом темном платье, украшенном только молнией Озарителя на груди, посмотрела на священника, возвышающегося над толпой, и задержала на нем взгляд.

Первой глаза отвела Велена. Она всегда отличалась завидным самообладанием.

Губернатор и дальше рассказывал о трудах и подвигах Государя, подарившего свет, тепло и надежду своему народу, а этот самый народ, затаив дыхание, ждал продолжения светопредставления.

Велена подошла к накопителю, похожему на огромный металлический куб, к одной из стенок которого были приварены две блестящие отполированные скобы.

Велена взялась за эти скобы и посмотрела в темное небо.

Момент она выбрала идеально. Исытков и сам не выбрал бы лучше. По невидимому сигналу специальные служители закрутили вентили в газовых фонарях. Площадь погрузилась в темноту, которую нарушал слабый свет одного-единственного электрического фонаря. Наконец потух и он. Электричества в накопителе больше не было, и казалось, что только божье чудо вернет людям свет.

На площади царила такая тишина, что можно было услышать шорох платья Озарительницы.

Темнейшая Ночь в этом году была ясной. Ни одну молнию не выудишь из безоблачного неба, но Велена была заряжена электричеством под завязку. Исытков ощущал это своим шестым чувством, развитым так, как развит слух у музыканта.

Скобы, которых Велена касалась ладонями, заискрили. В воздухе запахло озоном, а толпа выдохнула в едином порыве.

Озарительница отдавала накопителю позаимствованную у природы силу грозы, силу молний, а накопитель потом отдаст полученное всему городу. И будет отдавать до следующей Темнейшей Ночи.

Велена была одной из самых сильных Озарительниц. Она могла снабдить электричеством на год любой город, включая столицу. И на ее месте мог быть Исытков.

Он прикрыл глаза. В этот момент он был вместе с Веленой. Он чувствовал, как из нее бегут потоки самой чистой и опасной энергии, он чувствовал, с какой радостью она расстается с этой невероятной силой. И с какой тоской.

Знал он еще о том, что вторая, не менее важная часть действия будет происходить втайне от зрителей.

Велена закончила накачивать накопитель и тихо отошла за кресло губернатора. Она казалась совсем маленькой и хрупкой, как будто не только часть силы покинула ее, но и часть плоти.

Губернатор опять начал говорить про благоденствие народа, сотворить которое возможно только Государю и немножко его верным слугам – Озарителям и губернаторам.

Электрические лампы вспыхнули. Народ благодарственно закричал. Девица рядом с Исытковым опять зарыдала, не в силах перенести того, что происходило на ее глазах.

Губернатор сел в кресло, а Озарительница как бы невзначай положила руки на его плечи.

Вот она – вторая часть представления. Накопители – это не только железные кубы с проводами. Сила – это не только электричество, идущее по проводам в дома и заведения города.

Исытков впился глазами в лицо губернатора. Оно порозовело. Щеки, почти лежащие на плечах, налились соком, словно яблоки лучшего сорта.

К сожалению, Исытков не мог почувствовать того, что чувствовали другие. Он был рожденным ловцом молний, а значит, он был свободен от влияния харизмы, которой Озарители наделяли высшее сословие.

В Темнейшую ночь не только накопитель получает новую порцию энергии.

Помост с губернатором окружили сотрудники тайной полиции. Исытков сделал пару шагов назад, чтобы не мозолить глаза полицейским.

– Суд! – принялась скандировать толпа. – Суд!

Степан Федорович мысленно выругался. Он совсем забыл о другой традиции Темнейшей Ночи – губернатор решает судьбу одного заключенного, а народ получает не только свет, но и зрелище.

На помост вывели совсем молоденького паренька, почти мальчика. Он растерянно озибался и шмыгал носом, начиная походить на недавнего гимназиста. Невзрачный чиновник зачитал обвинение. Притихшая толпа ловила каждое слово.

– Подделка векселя! Попытка скрыться от полиции!

Чиновник выкрикивал слова, и каждое слово попадало в паренька. Он вздрагивал и моргал.

Губернатор оттолкнул руку адъютанта и встал самостоятельно.

– Тяжелое правонарушение.

Он вздохнул, как если бы ему было искренне жаль обвиняемого, который пошел по такой кривой дорожке.

– Ты отправишься на каторгу, – ласково сказал он. – Будешь валить лес, чтобы другие, более достойные люди, могли делать бумагу для векселей.

Исбытков не мог поверить своим ушам. На каторгу отправляли женоубийц, воров, оставляющих вдов без копейки денег, но не таких желторотых юнцов.

Наказание было крайне суровым, и люди не могли этого не понимать.

– Правильно! На каторгу его! Грамоте выучился, а вон что творит! – закричали люди вокруг Исбыткова.

Паренек смотрел на губернатора, и по его лицу текли слезы.

– Спасибо, – прошептал он.

Исбытков не услышал его слов, просто угадал по движению губ.

Приговоренный рухнул на колени и подполз к сапогам губернатора. Худым юношеским лицом он приложился к блестящей поверхности сапог, как к материнской щеке.

Только что линию его судьбы безобразно изломали. Может быть, разрушили вовсе. Но он все равно любил своего безжалостного судью.

Развернувшись, Исбытков принялся выбирать из толпы. Далее смотреть было невыносимо. Вот в чем была одна из причин того, что он отказался быть на месте Велены. Ему до одури, до отвращения не хотелось наделять людей, волею судеб оказавшихся в самом верху государственной пирамиды, силой, заставляющей народ любить их до помрачения рассудка. И не только любить – подчиняться.

Он почти бежал по безлюдной улочке, идущей вниз от площади, чтобы звуки ликующей толпы затихли как можно скорее. Передвигаться в рясе было неудобно, а кожа под накладной бородой отчаянно чесалась.

– Брат! – донесся до него тихий, но при этом твердый голос.

Исбытков ускорил шаги, но стук женских каблучков приближался.

– Прости, сестра, я тороплюсь, – буркнул Исбытков, – но обязательно помолюсь за тебя.

– Помолитесь, брат, когда сможете, – сказала женщина прямо за спиной, – а я прямо сейчас начну... Господи Боже наш, утверждай гром и претворяй молнию, избави нас от веяния скорби...

Вздохнув, Исбытков обернулся. Перед ним стояла Велена – прямая, тонкая, не прячущая глаз.

– Здравствуйте, брат, – сказала она почти ласково. – Простите, что не обманулась вашим маскарадом. Озаритель Озарителя, как говорится, видит издалека. Вы не против поговорить?

Не дожидаясь даже кивка на заданный вопрос, Велена свернула в первый попавшийся переулок, а Исбытков почему-то пошел за ней.

– Сыскари знают, что вы тут, – бросила Велена из-за плеча. – Это я им сказала, между прочим.

Могучие мышцы непроизвольно напряглись под черным одеянием Исбыткова, но он быстро заставил себя расслабиться. Если бы Велена хотела его сдать, она не разговаривала бы сейчас с ним наедине.

– А еще я им сказала, что вы были замаскированы под гренадера и для пушей убедительности стояли с видом лихим и придурковатым. Потом подхватили какую-то девицу под руку и были таковы.

– Не повезет какому-то бедолаге, – покачал головой Исбытков. – И девице его тоже.

– Почти пришли, – сказала Велена, – здесь сможем поговорить спокойно.

Она решительно шагнула в темную арку, а следом за ней – уже не так решительно – последовал Исбытков.

– До сих пор в этом дворе нет никакого электричества, – проворчала Велена, доставая из кармана небольшую запаянную колбу.

Она щелкнула ногтем по стеклу – и колба озарилась теплым светом.

– Превосходно придумано, – светски сказал Исбытков. – В колбе какой-то электропроводящий газ?

Велена отмахнулась. Колба освещала маленький дворик, в центре которого журчал крошечный фонтан в виде уродливого дельфина. Рядом с фонтаном стояла скамейка, на нее и присела Велена.

– Здесь нас никто не найдет и не увидит. Я выкупила здесь все квартиры, потому что места под оборудование нужно много, да и тишину я люблю.

– Тогда вы знаете, кому писать жалобу по поводу отсутствия освещения, – слабо улыбнулся Исбытков.

Велена ответила улыбкой, но светский разговор был закончен. Она подняла колбу повыше, чтобы видеть лицо севшего рядом Исбыткова, который успел избавиться от бороды.

– Так зачем вы сбежали? – спросила она. – Навели вы шороху в наших узких кругах. Воспенникову пришлось перед самим Государем объясняться. Он, Государь, потому и не приехал в столицу на праздник, что не любит, когда вокруг него черт знает что творится.

– И что же Воспенников сказал Государю? Что молодо-зелено? Что я страшно разволновался перед первым самостоятельным Озарением?

– Нет, конечно. – Велена рассмеялась. – Он сказал, что вы – молодой наглец, но очень талантливый. Что вы просто еще не понимаете, какую роль Озарители играют в государственной системе. Мол, повыкидываете коленца, а потом вернетесь и станете верным слугой государевым.

– Да, это точно слова Воспенникова, – задумчиво сказал Исбытков. – Только ошибается он довольно сильно. Я слишком хорошо понимаю роль Озарителей. И мне не хочется ее играть. Вы же сами видели этот трагифарс... С тем парнишкой, который вексель подделал.

– Вы имеете в виду, как парнишка благодарил своего, по сути, палача? И рыдал от любви к нему?

Исбытков искоса глянул на Велену.

– И вам с этим спокойно живется? – спросил он ровным голосом.

– Нет! – выкрикнула Велена, мигом растеряв свою невозмутимость. – Я в ярости. Власть должна опираться на уважение, а не на слепую беспричинную любовь, природа которой абсолютно искусственна.

– Тогда почему вы продолжаете заниматься тем, что раз за разом укрепляете эту систему?

– Потому что я служу людям. Как любой Озаритель. Мы даем им свет. Даем тепло. Даем возможность не думать о том, как добывать воду – ее качают насосы. Даем возможность ездить на электрических конках, а не сбивать ноги о городскую брусчатку. Вы родились тогда, когда Воспенников от экспериментов перешел к рутинной работе, а я помню, как все было...

Велена покачала головой. Казалось, что она выдохлась и даже уменьшилась после такой страстной речи.

– А если я скажу, что электричество могут давать не только люди? – сказал Исбытков и коснулся пальцем колбы. – Что есть приборы, что уже были проведены все необходимые опыты...

Колба вспыхнула еще ярче.

– А-а-а... – протянула Велена. – Как же, как же. Воспенников говорил мне об ученике, который решил отказаться от своей божественной природы и отдать все на откуп механизмам. Стало быть, тот ученик – это вы и есть.

– Меня пугает, что Озарители превратились в дойных коров. И я был бы не против, чтобы из меня сцеживали накопленное электричество. Но делать из меня поставщика харизмы, поставщика слепого подчинения...

– Воспенников поставил крест на ваших исследованиях. Он говорит, что, если мы пойдем по вашему пути, откатимся в прошлое. Что мы потеряем десятки лет прогресса, а самое главное – множество людских жизней. И если выбирать меньшее из зол, то текущее положение – это оно и есть.

Исбытков встал.

– Спасибо, что предупредили о запрете на исследования, мне Воспенников об этом ничего не говорил, – сухо сказал он. – И спасибо за эту беседу. Ответьте только на один последний вопрос. Каково это – быть на стороне зла, хоть и меньшего?

Велена долго не отвечала.

– Я сделаю так, что моих сил Озарителя будет хватать на самое малое, на самое необходимое. Никто более не станет приглашать меня на Темнейшие Ночи, – наконец прошептала она. – Незачем будет.

В ответ на молчаливый вопрос в глазах Исбыткова она шепнула ему ровно три фразы.

Велена театрально приложила ладонь к уху, точно резонер Белопольский, отец той самой прекрасной Ольги.

– Я выиграла вам немного времени, Исбытков. – Она кивнула и двинулась в сторону темнеющей в глубине сквера арке. – Больше я вам не помогу. Но и мешать бежать не стану.

Исбытков видел, как у нее за спиной встают тени карабинеров.

– Ну что же вы, Исбытков? – Она махнула рукой на одну из дверей. – Бегите. Это точно был последний раз.

Степан Федорович признательно кивнул. Озаритель Озарителя не только издалека увидит, но и в беде не бросит. Хотя тут все же можно было поспорить.

Он вбежал в приоткрытую дверь. За спиной слышались частые шаги – набойки кожаных сапог карабинеров с мушкетами наперевес, сопровождавших сыскарей, стучали по мостовой, и эхо рикошетило от стен.

Исбытков затворил дверь на щеколду. Спасет, но ненадолго. Впереди вытягивался темный коридор. Меньшее из всего, что пугало Степана Федоровича, была темнота. Он выудил из кармана фонарик, который брал с собой всякий раз не столько из практических соображений, сколько в качестве талисмана. Это была первая электрическая безделушка, наполненная собственной его энергией, сделанная под непосредственным началом Воспенникова больше семи лет назад.

Исбытков не слышал о том, чтобы другие институтские таскали с собой результаты первых лабораторных работ по профессии. С них станется – с электричеством, опасным и изыщным, они дел не имели.

Слева и справа от Исбыткова мелькали закрытые двери, у которых висели картины с историческими мотивами. Эскиз первой паровой машины Эванса, Клод Шапп рядом с первым прототипом оптического телеграфа, Жозеф-Мишель и Жак-Этьенн, запускающие свой легендарный Могнольфьер. Сами изображения показались Степану Федоровичу изысканными

и привлекательными в тусклом свете фонаря, но вот их расположение у самых дверных рам – ужасно неудачным. У Исыткова была аллергия на дурной вкус – даже Воспенников над ним посмеивался.

Самая дальняя дверь оказалась открытой.

Когда Исытков потянул ручку на себя и проник в коридор. Послышалось привычное:
– Стой, стрелять буду!

Исытков оказался в прихожей. Справа была дверь на улицу. Наверх вела лестница.

Он выглянул в окно. Узкая улочка. Может не успеть.

Да там его и ждать будут в первую очередь.

Другое дело – лестница.

Поднимаясь, Исытков вспомнил про фонарик, отключил его и спрятал в карман. В прихожей начался топот и гвалт. Резвые нынче сыскари.

Лестница закончилась на третьем этаже. Исытков осмотрелся – все двери были похожи. Но только одна из них могла вести на крышу, остальные были подсобными помещениями.

Исытков дернул первую ручку. Не идет. Заперто.

Топот приближался.

– Шевелись! – Тот же голос, что и в коридоре.

Только третья дверь поддалась. Повезло – там виднелась еще одна приставная лесенка весьма хлипкого вида. Наверняка она как раз и вела на крышу.

Степан Федорович забрался наверх и сбил лестницу. В тесном помещении она не упала, но переметнулась к другой стенке. Тоже неплохо. Задержит.

Свежий воздух на секунду затормозил Исыткова. Как здесь пахло! Вишневыми булочками из пекарни Вероники Аркадьевны, букетом цветов из лавки Веселова и собирающимся дождем. По небу плыли черные громоздкие гроззовые облака.

Послышался отборный мат. Стукнула о стену лестница.

Только теперь Исытков осмотрелся и понял – с «повезло» он погорячился. С крыши не было пути к бегству. Домик, в котором оказался, был отдален от всех остальных на две-три сажени. Прыгнуть и разбиться? Лучше бы на улицу выбежал.

Он проследил сверху свой путь. Вот этот скверик – Велены. От него к домику, который, кажется, был гостиным двором, вела одноэтажная вытянутая постройка. Видимо, для прислуги.

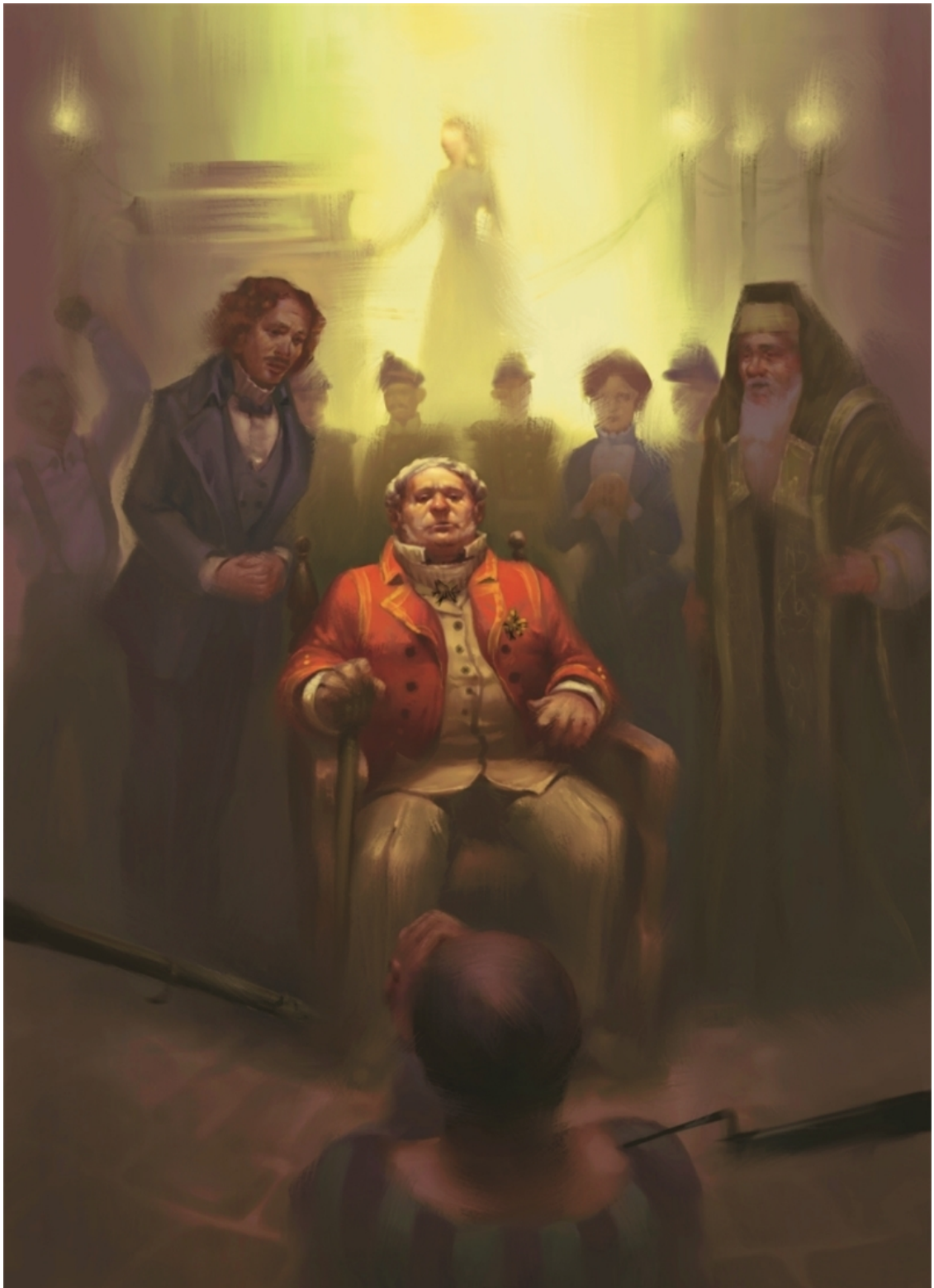
Да уж. Попался так попался.

– Руки вверх! – послышался крик из-за спины.

Выполнять требование не пришлось. Поняв, что безнадежно влип, Исытков сам поднял руки. Интересно, куда его теперь? В участок? В тайный отдел? Может, в столицы повезут разбираться со смутьяном?

– Скручивайте и на Аркадьевскую его. Быстро.

Это был худший из вариантов. Сейчас его отвезут прямо к Воспенникову. Поздним вечером учитель бывал особенно вспыльчив.

Воспенникову было уже под шестьдесят, но он, как и другие Озарители, не слишком-то покорялся возрасту. Движения его оставались наполненными силой, лицо – открытым.

– Степан, мальчик мой, какими судьбами!

Учитель сделал вид, что не замечает двух крепких сопровождающих, стоящих по бокам от Исбыткова.

– Здравствуйте, Николай Евграфович, простите, что я без приглашения. Сам не ведаю, как меня занесло на ваш порог. Хотя сегодня пятница же? Помнится, по пятницам вы устраиваете лучшие ужины в столице.

Воспенников взял Исыткова под руку и повел его из гостиной в сторону кабинета. На сопровождающих Степана крепышей он посмотрел так выразительно, что те сделали шаг назад и в кабинет решили не следовать.

Выражение лица Воспенникова сменилось с приветливого на угрюмое.

– Ты во что вляпался, олух ты небесный?! – рявкнул он.

– Меня затребовали в качестве Озарителя на столичную Темнейшую Ночь, я отказался. Потом за мной прислали сыскарей. Презанятные оказались люди – один похож на крысу, другой на... Впрочем, это неважно. Принялись мне угрожать, как будто я не Озаритель, а проштрафившийся чиновник или подозреваемый в государственной измене.

– И ты сбежал, – утвердительно сказал Воспенников. – Ничего лучше не придумал.

– Отчего же, это был прекрасный план, просто я сам же его и загубил из-за собственного любопытства.

– Из-за тщеславия, – фыркнул Воспенников. – Явился-таки на праздник, чтобы посмотреть, кем же тебя заменили.

Исытков медленно окинул взглядом кабинет. Система освещения была сделала очень хитро – свет лился мягкий и теплый, словно мед. Светильники, выполненные из дорогого матового цветного стекла, больше походили на произведения искусства, чем на обыкновенный декор.

– Тебя позвали на главную Ночь в стране, потому что я им тебя посоветовал. Сказал, что ты – мой лучший ученик. Самый талантливый. Самый сильный. Оказалось, что и самый упрямый, если не сказать глупый.

– По-вашему, глупость – это нежелание принимать участие в озарении губернатора? Я готов озарять города, деревни. Готов тащиться с оборудованием в самые глухие места, чтобы у людей был свет. Но почему же я должен делать каких-то людей более значительными, чем они есть? Более достойными любви.

– Понимаю, – терпеливо ответил Воспенников, усаживаясь в кресло. – Тебе не хочется быть ручной собачкой у власть имущих. Мне это тоже не нравится – и я заставил считаться с собой. Ты тоже сможешь этого добиться, уж будь уверен. К тебе будут приходить с тысячей поклонов, как к какой-нибудь китайской императрице.

– Но для этого мне потребуется какое-то время, – кивнул Исытков. – Нужно потерпеть. Взгляд Воспенникова потеплел.

– Уже другой разговор, – сказал он и потянулся рукой за хрустальным графином с темным содержимым.

Когда он вытащил плотно притертую крышечку с наваршием в виде морского конька, в кабинете разнесся запах дорогого коньяка.

– Я плохой ценитель, не стоит тратить на меня хороший напиток, – сказал Исытков. – Хотя вы тоже оказались плохим ценителем.

– Ценителем чего? – поднял густую седеющую бровь Воспенников.

– Прогресса, – едко ответил Исытков. – Я знаю, что именно вы зарубили мои исследования производства электричества естественным путем. Не отрицайте.

– Во-первых, – начал Воспенников, подливая себе коньяк, – я тебя послушаюсь и отрицать ничего не стану. Да, я считаю, что все эти громоздкие механизмы, дающие на выходе электричества на одну лампочку, – это насмешка над прогрессом, а вовсе не он сам.

Воспенников откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу.

Исытков знал – сейчас начнется лекция, а проще остановить атакующего вепря, чем начавшего разглагольствовать Воспенникова.

– Во-вторых, – продолжил учитель, – я хочу тебе напомнить, что все мы несемся на полном ходу в поезде технической революции. За тридцать лет мы успели сделать очень многое, но тридцать лет для исторической эпохи – это ничтожно мало. Озарителям предстоит превратиться из частных лиц в часть государственной системы. Нас мало, нам божьей властью дан огромный дар – и он не может, не имеет права быть израсходованным на фокусы и развлечение дам.

Исбытков вздохнул. Воздух в кабинете был наэлектризован, но вовсе не в переносном смысле, а в прямом. Два Озарителя в одном небольшом пространстве могли вызывать и шаровую молнию.

– В-третьих, мой мальчик, то, что у Озарителей есть вторая работа, о которой мало кто знает, дает нам возможность влиять на власть предрежащих. Чем сильнее они от нас зависят, тем больше возможностей у нас появляется. Возможностей для помощи людям, разумеется.

– Главное, – сказал Исбытков, вздыхая, – чтобы люди в обмен на помощь искренне любили тех, кому они обязаны благами цивилизации.

– То стадо благополучно переживает зиму, нападение волков и засуху, которое находится под присмотром мудрых пастухов.

Воспенников смотрел на Исбыткова тем самым взглядом, который возникал у него за игрой в шахматы. Мол, посмотрим, какой ты сделаешь ответный ход.

– Мудрых пастухов, значит, – протянул Исбытков. – Кстати, я и вправду проголодался.

Воспенников нажал на кнопку, встроенную в подлокотник кресла. Где-то вдалеке раздался звук колокольчика, а следом стали слышны шаркающие шаги.

В кабинет зашла самая благообразная старушка из всех, что видел Исбытков. Круглые щечки ее были румяны, а седые кудряшки окружали голову серебристым нимбом.

– Степан Федорович! – всплеснула руками старушка. – Как я рада вас видеть! Давным-давно к нам не заезжали!

Старушка была кормилицей Воспенникова. Она заменила ему рано ушедшую мать, и он любил ее совершенно беззаветно. Впрочем, это не мешало ему принимать ее заботу, как нечто собой разумеющееся.

– Нам бы перекусить, Авдотья Петровна, – нежно сказал Воспенников, – но это подождет. Присядь, поговори с нами.

– Отчего же и не поговорить, – сказала Авдотья и примостилась на кожаном диване, сложив ручки на темной юбке.

– Кто такие Озарители? Ну, если по-простому? – спросил Воспенников, подавшись вперед.

– Жнецы молний, людские благодетели, – с готовностью ответила Авдотья. – Когда я маленькая была, таких, как вы, со свету сживали. Думали, что это в детках ворожба злая проявлялась. Тут-то оно понятно. Детки эти молнии притягивали, столько пожаров было – не сосчитать. А Коленька наш умный оказался – силу свою на людях не показывал, а потом, как вырос, так и вовсе все разъяснил. Что детки такие – не беда, а награда за труды праведные.

Она с любовью посмотрела на Воспенникова.

– Спасибо, голубка моя. Ты все-таки сходи на кухню, пока мы от голода друг друга не загрызли.

– Озаритель Озарителю молнию в лоб не пустит, – засмеялась Авдотья и зашаркала прочь из кабинета.

Исбытков криво улыбнулся.

– Это что за голос простого народа был? Вы хотели мне напомнить, что только благодаря вам Озарителей не отлучают от церкви, не помещают в дома для скорбных духом и не забивают до смерти в глухомани?

Воспенников пожал плечами.

– Один человек многое может изменить. А если таких, как он, чуть больше двух десятков – можно и весь мир перевернуть. Просто стоит доверять друг другу, а не бегать от сыскарей по всему городу.

Исбытков не ответил. Ему очень хотелось доверять Воспенникову. Хотелось рассмеяться, развести руками, признавая свою неправоту. С десяти лет, когда на совести Исбыткова было несколько сожженных амбаров, учитель был для него всем.

– Что же вы предлагаете, Николай Евграфович? Махнуть рукой на все безобразия, которые происходят благодаря нам, – на самодурство чиновников, сияющих почище самовара после наших тайных процедур, на отсутствие свободы воли? Я должен стать очень важной, но все-таки деталью в одном большом механизме? Без вариантов?

Воспенников отхлебнул коньяк и отечески похлопал Степана Федоровича по руке.

– Все будет, Степан. И свобода воли, и варианты. Просто попозже. Я вот что задумал: негоже Озарителям ошиваться где придется. Будем жить все вместе, в особняке неподалеку отсюда. Там и решим, что дальше делать, как жить.

– А если я не захочу государственной службы? – Исбытков испытующе посмотрел на Воспенникова. – Особняка городского не захочу?

– Лучше тебе захотеть, – сказал Воспенников и положил палец на кнопку.

Исбытков не стал сопротивляться, когда его вежливо попросили проехать в нужном направлении. Не сказал ни слова против, когда Воспенников расписывал ему прелести совместной жизни со всеми студентами – мол, это прекрасно скажется на качестве жизни, а значит, и на чистоте энергии. Степан Федорович даже выдал из себя некое подобие удивления, когда они подъезжали к особняку.

Местечко Воспенников и впрямь подобрал расчудесное. Крепкий двухэтажный домик с красной черепичной крышей со всех сторон укрывался лесом. Вековые сосны как будто стискивали строение в своих объятиях. С пригорка выглядело просто великолепно. Исбытков не сомневался, что и изнутри впечатление не испортится – вкусу Воспенникова он как раз доверял. Да и как не доверять тому, кто сформировал твой собственный вкус?

Взгляд Озарителя сразу выхватил две особенности: у особняка не было громоотвода и во двореке над небольшой лавочкой возвышался электромеханический генератор индукторного типа. Видимо, новые эксперименты Воспенникова.

Исбытков впервые за день почувствовал, как усталость укрыла тело. Равномерный стук копыт и покачивание экипажа вводили в полудрему. Финальной точкой стало невероятное – замолчал, задумавшись о чем-то своем, сам Воспенников.

Степан Федорович сейчас, в полусне глядя на свою новую школу-тюрьму, вспомнил, как он впервые вобрал в себя энергию. Ощущения на грани страха и катарсиса, боли и удовольствия. Не испытывал он такого ни в тот день, когда впервые его поцеловала бледная от собственной решительности младшая Белопольская, ни когда поднялся на Монгольфьере над Парижем, ни когда впервые напитывал харизмой человека.

Первое напитывание случилось на экзамене, который окончательно отделил талантливых Озарителей от неучей и лентяев. По покалыванию в подушечках пальцев Исбытков понял – скоро ему снова придется напитываться энергией. И ему не терпелось испытать это вновь. Сравнения с наркотиками кажутся здесь надуманными. Наркотик может убить только тебя. Энергия, которой ты напился, способна снести с лица Земли целые города.

Накопленную энергию было не так-то просто отдавать другому – в этом Воспенников видел предназначение Озарителей, в этом Исбытков видел их проклятье. Сильные мира сего напитывались собранной ими энергией, чтобы очаровывать толпы, чтобы выбивать лучшие дипломатические соглашения, чтобы добиваться расположения нужных людей.

Исбытков жалел об одном – харизму невозможно было выдать самому себе. «Сгоришь к чертям», – улыбался Воспенников, объясняя на примерах, почему так делать не следует. И почему отдавать нужным людям накопленную энергию – правильно.

– Ты не можешь управлять всем, если зависишь от кого-то. – Воспенников объяснял это еще совсем молодым студентам. – Представьте себе льва – царя зверей, – который не может отойти от колодца с питьевой водой, потому что в нем – вся его сила. Можно ли назвать его царем?

Вопрос был риторический, но Исбытков тогда живо представил себе, как гордый и самоуверенный лев возвращается со своего путешествия по местам славы и, унижаясь и уронив голову, просит напиться водички у кого-то в черном плаще и с глазами Воспенникова.

Человек в черном плаще отошел в сторону. За ним стоял мальчик с глазами самого Исбыткова. Человек в черном плаще обернулся к мальчику, всматривался в его глаза и напивался восхищением.

Мальчик оборачивался, за его спиной сверкали молнии. Он хотел побежать к ним, но нога застряла между камней, из которых был сложен колодец.

Исбытков понял, что провалился в сон окончательно.

Когда он открыл глаза усилием воли, они уже были на месте.

– Добро пожаловать в наш райский уголок, Степан.

– Не будем богохульничать.

Воспенников рассмеялся:

– Всегда любил этого парня за вот это бесстрашие.

– Кто там явился на ночь глядя? – закричал кто-то из большой гостиной на первом этаже, когда Исбытков вместе с Воспенниковым закрыли за собой тяжелую входную дверь.

– Сейчас сами увидите, – подал голос Воспенников, подмигнув Степану, – только не шумите сильно, человек устал с дороги.

В гостиной сидело человек пятнадцать, почти каждого из которых Исбытков знал. С большинством из них он встречался у Воспенникова, а некоторых, которые были постарше, знал по фотографиям в газетах. Все они были очень разные. Кто-то из высшего сословия, кто-то – из простых. Мужчины и женщины. Совсем юные девушки и молодые люди. И все же их объединяло одно – аура силы, которой наплевать на происхождение и образование.

– Исбытков! – нестройно заголосили Озарители. – Добро пожаловать!

Следующие десять минут Исбытков раздавал рукопожатия и вежливые кивки. Он внимательно вглядывался в лица своих коллег, но видел на них только искреннюю радость и воодушевление.

Что же, Воспенников умел вдохновлять и убеждать.

Выделялась среди всех спокойным и как будто отстраненным взглядом самая младшая ученица – девушка просто одетая, с узкими плечами и прямейшей осанкой. В профиль она была невероятно похожа на Ольгу Белопольскую.

Отовсюду слышались добрейшие пожелания, отовсюду тянулись руки, хлопающие по плечам, но Исбытков этого как будто не чувствовал – звуки казались приглушенными, а касания невесомыми, словно случались не с ним, а с его фантомным телом.

Исбытков не мог оторвать взгляда от той, которая так напоминала Ольгу.

– Новое время приходит для всех нас, – глубоким баритоном сказал Озаритель с живописной сединой в волосах.

Его звали Алексей Кручинский. Воспенников нашел его, когда Алексей стал актером погорелого театра. В прямом смысле погорелого. Молнии обрушились на крышу театра в тот момент, когда Алексей – талантливый молодой актер – читал монолог Ромео.

– Безмерно рад, – рассеянно ответил Исытков, разглядывая слишком крепких для своей работы официантов, разносящих напитки и подносы с закусками.

Взгляд быстро вернулся к девушке, похожей на Белопольскую.

Воспоминания ударили мощным разрядом в область сердца. Картины их совместной с Ольгой истории пролетали мимо, как будто он бежал по музею, от одной картины к другой, из одного зала в следующий.

Первое знакомство. Она сидит вот так же, в профиль. Исытков думает – такой позвоночник несет слишком много гордости. Интересно посмотреть, как она выглядит. Она оборачивается – и все, он потерял.

Вторая картина – он впервые касается ее руки. Спустя много недель бесед. Ее духи пахнут фиалкой и сандалом. Подушечка ее указательного пальца касается пальца Исыткова. Кожа – к коже. Он перехватывает ее палец и подносит к губам девичью ручку, не стесняясь поцелуя, радуясь ему.

Третье воспоминание – объятия у озера. Небо отражается в озере, звезды дрожат в водной глади, сверчки играют свою лучшую симфонию для влюбленных.

– Послушай, – говорит она.

– Не буду, – останавливает он.

Ее лицо кривится от боли, но она улыбается. Она хочет что-то сказать, но он останавливает ее. Ему не нужны слова, он хочет просто быть рядом.

Громкий голос заставил вернуться к реальности.

– Воспенников рассказал нам о твоих экспериментах по получению электричества без Озарителей, – продолжил Алексей. – Ты меня, конечно, прости, но это похоже на то, как если бы одаренный певец купил попугая и заставил бы его распевать собственные арии.

– У моей тетушки был попугай, который умел ругаться на трех языках, – ответил Исытков. – Тетушка обожала смотреть на лица своих гостей, когда попугай начинал материться.

Алексей моргнул, смущенный таким поворотом разговора, и отошел.

Находиться среди своих было приятно. Казалось, даже лампы горели ярче обычного, а в воздухе опять чувствовался знакомый привкус озона.

– А что, если я передам тебе харизму, а ты – мне? – донесся до ушей Исыткова нежный девичий голосок.

Девушка, похожая на Ольгу, теперь встала и обращалась к молодому человеку, который смотрел на нее снисходительно и нежно.

Нет. Она была похожа на Ольгу только в профиль. А так – не то. Совсем-совсем не то.

– Озарители не могут принимать чужую харизму. У нас от нее стоит предохранитель в голове, как у самой сложной аппаратуры Воспенникова, – сказал молодой человек.

– Давай попробуем, – упрямылась девушка.

Юноша вздохнул и положил руки на хрупкие плечи собеседницы. Та сделала то же самое, и вместе они стали похожи на двух не слишком опытных танцоров.

– Ничего не чувствую, – вздохнула девушка.

– И я, – ответил юноша, отчаянно краснея, как будто что-то он все-таки ощутил, пусть даже и не токи харизмы.

Исытков почувствовал что-то вроде зависти. Жаль, что он не мог обо всем забыть и просто наслаждаться компанией себе подобных.

– Прощу меня простить, – повысив голос, сказал Исытков. – День был непростой, так что я отправляюсь спать.

Комната, выделенная Исыткову, была просторной и уютной. Степан рухнул на кровать и закрыл глаза.

Охраны в особняке было полно, хотя Озарители об этом и не подозревали. Когда Исытков зашел в свою комнату, замок на его двери тихо щелкнул с внешней стороны, а это означало, что весь особняк действительно был тюрьмой, а не чем-то вроде клуба единомышленников.

Спать хотелось невероятно, но разговор девушки и молодого человека не выходил у него из головы. Предохранитель, не дающий Озарителям самим напиваться энергией харизмы – ни своей, ни чужой. Сложная аппаратура.

Исытков открыл глаза. Поднявшись, он включил все светильники и оглядел все провода, идущие к источникам света.

Коснувшись рукой одного из проводов, он сконцентрировался на ощущениях. Электричество, бегущее по металлической сердцевине провода, было слабым, но Исытков чувствовал его, как мать чувствует самое тихое дыхание спящего ребенка.

Степан прошелся рукой по всем проводам, мягко оглаживая их. Слабые импульсы превратились в весьма ощутимые, а через пару минут в руках Исыткова плясала крошечная шаровая молния.

Он поместил молнию напротив себя и глубоко вдохнул. Искрящийся синим шар растекся по груди, впитываясь без остатка.

Внутри разом сделалось холодно и горячо одновременно. Дарованная сила расплзлась по каждому сосуду и по каждой мышце, но усилием воли Исытков снова собрал ее на уровне солнечного сплетения.

Он представил себя в виде сложного устройства, в котором есть накопитель для электрической энергии и для более тонкой энергии – харизмы. В воображении Исыткова накопитель с харизмой имел только один выход – вовне.

Точно так же, как он рисовал на бумаге схемы своих будущих механизмов, Исытков нарисовал ко внутреннему накопителю еще один провод, ведущий к солнечному сплетению. В начале провода он пририсовал рычажок, который сейчас стоял в положении «закрыто».

– Что мое, то мне не повредит, – прошептал Исытков и представил, как меняет положение рычажка на «открыто».

Ощущения были странные. Мысли замедлились, а воздух вокруг запахом не привычным озоном, а чем-то легким, цветочным.

Он подошел к двери и попытался ее открыть. Как и следовало ожидать, комната была заперта.

– Откройте, пожалуйста, дверь, – вежливо сказал Степан, поражаясь тому, насколько глубже и мягче стал его голос.

За дверью кто-то запыхтел и задышал.

– Не положено, – виновато сказали за дверью. – Вам отдыхать надобно.

– Да мне бы чаю, – растягивая слова, почти пропел Исытков.

– Это мы сделаем, – радостно отрапортовали за дверью, и Степан услышал звуки удаляющихся шагов.

Через десять минут дверь распахнулась.

С подносом в руках на пороге стоял уже знакомый Исыткову сыскарь с обезьяньим лицом, улыбающийся так светло, что Исыткову захотелось улыбнуться ему в ответ.

И он улыбнулся. Сыскарь при виде его улыбки засуетился, пытаясь поставить поднос с чаем то на прикроватную тумбу, то на письменный стол, стоящий у окна.

– Можно я все-таки выйду? – спросил Исытков, наклонив голову к плечу.

– Конечно, Степан Федорович. Идите, коли хотите прогуляться. Только я с вами пойду, можно?

Исытков вышел из комнаты, все еще не веря в происходящее. Сыскарь смотрел на него с таким же обожанием, как и осужденный парнишка на губернатора.

Он все-таки смог направить харизму на самого себя. Он сделал то, на что не был способен ни один Озаритель, но эта мысль его все равно не грела. То, что сейчас творилось, противоречило самой природе человеческой.

Исбытков спокойно спустился, а там еще пятеро при его виде расплылись в детских улыбках. Каждый из них норовил дотронуться до его рукава или края сюртука. И каждый из них был готов сделать все, что ему прикажет Исбытков.

– Спасибо, что проводили, – сказал Исбытков, стоя на пороге особняка. – Вы идите, я сам дальше.

Он шел по темной аллее, ведущей от особняка, а ему вслед смотрели шесть пар обожающих глаз.

Это был самый простой побег из всех, о которых знал или читал Исбытков.

Теперь, насмотревшись на повелителей силы, разочаровавшись в учителе, устроившем комфортабельную тюрьму для Озарителей, Степан Федорович в первый раз по-настоящему осознал совет древнего правителя. Хочешь изменить мир – начни с себя.

Ночь была прекрасной. Почти как тогда – на берегу озера рядом с Ольгой.

Только теперь по небу плыли грозовые тучи. В этом была ирония. Степан Федорович чувствовал по покалыванию в пальцах, что молнии – внутри. Одновременно с этим он ощущал – все-таки было здесь что-то похожее на опиумную манию – и предвосхищение напитывания. Болезненное, горькое, но от этого не менее сладостное. Исбытков понял – его плану суждено сбыться именно в эту ночь. Или не суждено сбыться никогда.

Ах, если бы знал Степан Федорович, что мир устроен чуть сложнее, чем «да» и «нет».

Исбытков вышел с аллеи и сразу же свернул в лес, поднимаясь на невысокую сопку, за которой расстились пшеничные поля. Он шел неспешно, шел, предвкушая.

Ночное Ладноречье с высоты казалось почти игрушечным. Изгибы реки, вдоль которых выстроились мерцающие огоньками дома, – точно срисовали с открытки.

Исбытков обернулся. Поля были бескрайни, как моря. На самом горизонте, на стыке с черным небом, светлая их полоса как будто пульсировала светом. Это могло говорить только об одном – где-то там уже бьют всю молнии.

Исбытков облизнул пересохшие губы.

Он вдохнул запах будущей грозы, полуночной мороси и пшеницы. Он вспомнил, как в детстве ждал отца с заграничной дипломатической поездки, то и дело выглядывая в окно, перепроверяя, не несется ли по заснеженной дороге повозка. Он прислушивался тогда к каждому звуку – вдруг скрипнет снег где-то вдалеке, за пределами дома. Он пытался занять себя игрой в шахматы, но любой шорох отрывал его от расстановки фигур, и он снова несся к окну. Отец приехал только на следующий день.

Нечто подобное испытывал Исбытков прямо сейчас. Он шел по пшеничному полю, и колосья щекотали его ладони. Всматривался в нависшие над ними тучи и ждал намека, хотя бы мимолетного, на грядущий удар молнии. Удар, который он впитает в себя, не оставив ни капли электричества в разреженном воздухе.

Степан Федорович шел, не опуская головы. Он даже не понял, когда пошел дождь. Только почувствовал, как за уши стекают капли, как заползают они под воротник рубашки, как скользят по ключицам и щекочат грудную клетку.

Вот-вот должно было начаться.

Он вспомнил тот момент, когда на тракт вырвалась повозка, как выбрался, тяжело переставляя на снегу ноги, отец, как улыбался он, подхватывая несущегося к нему сына, и целовал покрытые снежинками щеки. Ожидание стоило результата.

Сейчас случилось то же.

– Одна молния, – заклинал на уроках Воспенников. – Не больше. Лбвите, впитываете, уходите.

Вторая молния, по словам учителя, могла убить. Сжечь изнутри.

– Вы же не будете пытаться выпить целый колодец воды? – вопрошал Воспенников. – Добровольные утопленники ни в одной религии не будут в почете.

Даже с одной-единственной молнией он рекомендовал быть аккуратным. Сразу выдать обратно избыточную энергию, если чувствуешь недомогание.

– Видели осужденных висельников на центральной площади? Их смерть покажется вам самой достойной из возможных, если возьмете на себя слишком много.

Исбытков планировал прямо сейчас вобрать в себя все молнии, которые будет возможно впитать.

Если ты не способен противостоять системе – отрекись от нее. Так размышлял Степан Федорович. Они ни за что не смогут позволить себе оставить такого ценного Озарителя. Не останутся. Единственный шанс – выжечь себя изнутри. Только тогда он станет никому не нужен. И только тогда они оставят его в покое. Ему не придется выбирать между властью и честью, потому что он так решил.

Перед первым ударом молнии Исбытков увидел Белопольскую. Ее лицо кривилось от боли, но она улыбалась. Страдание, помноженное на удовольствие.

Когда она ему рассказала, что ждет ребенка, он обрадовался. У Озарителей редко бывают дети. Воспенников что-то говорил о том, что человеческое тело, которое становится сосудом для электричества, платит за это дорогую цену. Иногда, очень редко, дети все-таки рождались, и это было чудом. Чудом, которое подарили Исбыткову.

Он тут же сделал Белопольской предложение. Когда она отказала, он долго добивался ответа. Боится ли она того, что муж часто будет в разъездах? Опасается ли она, что не по любви он просит стать ее женой, а по соображениям чести? Он сделал и сказал ей все, чтобы успокоить ее страхи. Те страхи, которые он мог представить.

Белопольская тогда плакала. Плакала тихо, как плачут люди в самом отчаянном положении, когда не надо никому доказывать – дрожанием плеч, срывающимся голосом, – что внутри очень много боли.

Он вернулся к этому разговору через месяц, надеясь на то, что Белопольская все же даст ему какой-то ответ. Она, белая и похудевшая, совсем не похожая на ту, которая искрилась взглядом и улыбкой, сказала, что ребенка больше нет. Когда он закрыл искажившееся лицо руками, она со странным безразличием в голосе добавила, что ребенок мог быть и не от него.

Исбытков не поверил. Не захотел верить. Тогда Белопольская рассказала ему, что на столичном бале на нее обратил внимание сам губернатор. Что одна ее часть видела его сальные глаза, его брыли, лежащие на высоком воротнике, а другая ее часть жадно ловила каждое его слово. Губернатор изнутри сиял таким светом, что никто не мог противиться ему. Не смогла она противиться и тому, что губернатор, прознав о ребенке, приказал ей избавиться от него.

Исбытков тогда сказал, что это все не важно. Он снова сделал предложение и говорил, говорил о том, что никакой вины в содеянном у Белопольской нет. Что это все проклятая сила, которой такие, как он, наделяют таких, как губернатор.

Она снова отказала. Исбытков даже не слышал, что она говорит, он смотрел на пустую оболочку, оставшуюся от любимой женщины. Тогда он и поклялся, что никогда больше он не будет соучастником двойного убийства. Одного физического, унесшего жизнь нерожденного ребенка, и одного духовного.

Молнии обрушились на пшеничное поле таким каскадом, словно Зевс выдал каждому из несуществующих олимпийских богов по десятку снарядов. Исбытков впитывал их одну за другой, чувствуя, как наполняется изнутри силой. Будто он был воздушный шар, который надуют не легкими, но ураганами, тайфунами и смерчами.

Он цеплял кончик молнии усилием воли, подсекал, точно умелый рыбак, и втягивал в себя.

Всё вокруг окрасилось синевой.

Потом раздался гром. Такой силы, что земля тряслась, такой мощи, что кости содрогались, словно рельсы под многотонным локомотивом, такого величия, что на секунду показалось – теперь есть в мире только этот грохот и ничего более.

Исбытков упал без сил, раскинув руки в стороны.

Тучи продолжали наползать друг на друга, словно океанские волны. Молнии продолжили бить, озаряя внезапно обмякшее тело синими всполохами. Земля продолжала трястись, как от извержения вулкана.

Исбытков потерял сознание, пробуя подцепить еще одну молнию усилием воли.

Утром следующего дня Исбытков пришел в себя в интересной компании. Вокруг него столпились коровы, разглядывающие его добрыми, счастливыми глазами.

– А ну пошли отседова! – раздался чей-то хриплый окрик и звук щелкающего бича.

Пастух помогал Исбыткову подняться на ноги, охая и цокая.

– Лишку хватили вчера, да, батюшка? – Пастух заглядывал Степану Федоровичу в глаза.

– Лишку, мил человек, лишку, – соглашался Исбытков.

Позже, когда Степан Федорович уже трясся в бричке в направлении города, он раз за разом заглядывал внутрь себя, чтобы понять – осталось ли в нем что-то от Озарителя? Тем вечером на скамейке Велена успела ему шепнуть, что Озарители, вобравшие в себя слишком много молний, не погибают. Они меняются, а как именно – предстоит узнать самостоятельно.

Внутри было пусто. Так пусто, как никогда в жизни. Первым воспоминанием Исбыткова было такое: он сидит на коленях у матери, за окном бушует гроза, а он, двухлетний ребенок, хохочет и бьет в ладоши. Тогда он зажег на конце пухлого пальчика первую искру, тогда же в глазах матери появился страх, который он будет видеть до конца ее дней.

Степан Федорович поднял ладони на уровень лица. Он обратился к памяти тела, когда энергия, омывающая сердце ледяным игристым, сочилась из каждой поры его тела. Тогда было достаточно подумать о том, чтобы выпустить ее наружу.

Ни мысли, ни воспоминания не помогали. Исбытков и вправду был пуст.

Он потянулся к проезжающему мимо грохочущему трамваю, пускающему искры из-под колес. Ничего.

Исбытков откинулся на спинку сидения и позволил себе внутренне оплакать потерянное.

Визит к губернатору дался легко, потому что вместе с силой Озарителя Степан Федорович потерял и кое-что другое. Страхи и опасения.

Губернатор принял Исбыткова сразу же.

– Где же вы пропадали, Сергей Федорович? – Губернатор вытащил пухлое тело из кресла и раскинул руки. – Все с ног сбились, разыскивая вас. Мне даже пришлось замену вам приглашать. Велена Алексеевна, конечно, Озаритель от Бога, но она, как бы это сказать... По-женски капризна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.